

В.В.ПОДМАСКИН

Космография тунгусо–маньчжуров и нивхов

Доказывается, что космография тунгусо–маньчжуров и нивхов складывалась под воздействием хозяйственных потребностей, служила питательной почвой для развития магии, фольклора и конфессиональных представлений.

Cosmography of the Tungus–Manchurians and Nivkhs. V.V.PODMASKIN (Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Far Eastern Peoples, FEB RAS, Vladivostok).

The author proves that the cosmography of the Tungus–Manchurians and Nivkhs was formed under influence of their economic needs and served as a nourishing environment for development of magic, folklore and confessional notions.

Традиционные воззрения тунгусо–маньчжуров (нанайцев, негидальцев, ороков, орочей, удэгейцев и ульчей) и палеоазиатов (нивхов) о картине мира основывались на весьма ограниченном опыте и имели много общего. Так, они считали, что Земля плоская. Пространство, занимаемое каждым этносом, осмысливалось как объект для деятельности в определенной географической нише. Небо представляли в виде твердого свода или купола, возвышающегося над Землей. По небу в стройном порядке «ходят» Солнце, Луна и звезды. Если Земля является местом пребывания людей, то Небо — обитель культурных героев и шаманских духов [19, с. 114, 115]. По представлению нивхов, звезды живут на седьмом небе и помогают людям, являются на землю в облике человека, чтобы взять здесь самых разумных женщин в жены [18, с. 43, 57]. Стихии Небо и Земля различались: Небо — верхняя часть мироздания, Земля — нижняя.

У нанайцев и нивхов сохранилось представление о том, что звезды прикреплены к твердому небу. По воззрению орочей, небо — твердое вещество, а звезды *хосикта* посажены на колышки. Нанайцы думали, что звезды — большие самоцветные камни в руках каких-то жителей на небе. Кометы — это «небесные жители», которые идут за невестами [12, с. 331]. Подобные представления отмечены у нивхов и удэгейцев. По представлению нивхов, небо *тлу*, — как наша земля, но движется, поворачиваясь к нам то одним, то другим боком. На одном конце находится Солнце, на другом — Луна [25, с. 320]. Метеориты *горомохто* — зайцы — воспринимались нанайцами как существа, способные напугать людей своим неожиданным появлением и шумом при падении на землю. Считалось, если человек не испугается этого явления, то будет долго жить. Яркий крупный метеор удэгейцы на-

ПОДМАСКИН Владимир Викторович — доктор исторических наук (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток).

зывали *мама тони* — «бабушкин огонь». Небесным камням удэгейцы, нанайцы и нивхи придавали магическое значение. Их обладатель становился счастливым человеком, так как эти камни якобы обеспечивали успех на промысле.

По убеждению нивхов, звезды покрыты лесом, где живут звери, собаки и звездные люди, а жители Земли иногда встречаются со звездными людьми. У удэгейцев звезды *ваикта* — живые существа. Среди них различали самок *зонаса сикини* и самцов *амина сикини*, считали, что самок больше, чем самцов. О хвостатых кометах *косиа* говорили, что это молодой человек идет на свидание к девушке, исчезновение звезды означало, что молодые встретились. Согласно другой версии, звезды «ходят» друг к другу в гости, как люди. Здесь нашли отражение анимистические представления, когда небесные явления одушевлялись.

Небесные тела, как известно, для многих народов издавна стали ориентирами в пространстве и времени, точкой отсчета служила Полярная звезда, которая, и это давно замечено, неподвижна. Нанайцы заметили, что астральные тела вращаются вокруг Полярной звезды, совершая оборот в течение суток. Г.Н.Потанин отметил, что, по представлению монголов, Солнце, Луна и звезды также движутся вокруг Полярной звезды [17, с. 128]. Благодаря этому Солнце, как им казалось, как бы движется по небу слева направо, с востока на запад, в направлении, обратном суточному вращению Земли. По представлениям удэгейцев, созвездия «идут по пути» Солнца. Нивхи думали, что Земля в виде диска стоит неподвижно, а Солнце движется вокруг нее. Они не знали, куда скрывается Солнце после заката и почему наступает ночь. Звезды *унгхыр*, по их мнению, подобно Солнцу вращаются вокруг Земли. Они считали, что звезды такие же мировые тела, как и Земля, полагая, что они кажутся такими маленькими из-за расстояния. В данном случае нашли отражение древние представления людей, когда видимое перемещение звезд по отношению к горизонту принимали за действительное движение твердой небесной сферы, к которой прикреплены неподвижно все звезды. Аборигены Нижнего Амура и Сахалина сделали правильный вывод, что Солнце не только вращается вместе со звездным небом, но, подобно Луне, все время передвигается между определенными созвездиями с запада на восток, но при этом они не знали еще о том, что движется не Солнце, а Земля.

С древнейших времен Полярная звезда была предметом поклонения. Удэгейцы именовали ее *Буа наммини* (Ось мира), орочи — *Ба няриани* (Сердце звезд), негидальцы — *Нангна санганин* (Небесная дыра), нивхи — *Тлы науя унигыр* (Звезда небесного живота). Нанайцы называли эту звезду *Хадан хосиктани* (Неподвижная звезда) [16, с. 220].

Многие созвездия были приурочены к сезону хозяйственной деятельности. Если в ноябре в полночь на юге удэгейцы замечали созвездие *Ната талуни* (Медведь-шкура), то это значило, что наступила пора выследивать медведя; если же в марте на юго-востоке появлялось созвездие *Сонгосо* (Теленок лося), приходило время гонять сохатого по насту. Созвездие, что находится рядом с *Эни огбэ* (Самка лося), — вероятно, Кассиопея. В марте на восточной стороне неба появлялось *Макчикин хосиктани* (Созвездие вертлюг), вертлюг — приспособление для вития веревок. В это время нанайские женщины начинали сучить из крапивных волокон нити для изготовления сетей.

Тунгусоязычные народы Нижнего Амура широко использовали в своем хозяйстве берестяные лодки: на них они выезжали на охоту, ставили сети, ездили в гости. Отсюда на звездном небе есть у нанайцев *Дяи хосиктани* — Берестянка. Она отразила особое название в системе лодочной терминологии, отметила хозяйственную функцию, тесно связанную с водной стихией и бытом охотников

и рыболовов Нижнего Амура. Берестяная лодка характерна для таежной культуры эвенков, нанайцев, ульчей, негидальцев (в прошлом была у орочей и удэгейцев). Термин для берестянки является общим почти для всех тунгусо-маньчжуров (эвенкийский — *дяв*, нанайский — *джаи*, ульчский — *зай*, манегрский — *дзю*, маньчжурский — *чжася*) [6, с. 116].

Культурный пласт морских зверобоев прослеживается в представлениях о звездном небе у орочей и удэгейцев. Орочи отметили созвездие *Хэта* (Нерпа), одна из его звезд означала наконечник остроги охотника (при охоте на морского зверя применяли плавающую острогу на длинном составном древке). А у удэгейцев встречается созвездие *Хата угда* (Нерпа и лодка). Термин *угда, огда* — «лодка» является общим для нанайцев, орочей, негидальцев, удэгейцев, ороков и ульчей. Ульчи морскую лодку называли *наму угдани*. Название лодки *угда, огда* у тунгусо-маньчжуров имело древнее местное происхождение. Вероятно, здесь упоминался кожаный челнок, напоминающий каяк. Лодка такого типа была связана с развитием специализированного морского зверобойного промысла, появление этого созвездия на небе — с предстоящей осенней охотой на нерпу. Нанайцы подобное созвездие, восходящее на западе в зависимости от времени года, называли *Утунгу* (Лодка).

Главное место в космогонии аборигенов Нижнего Амура и Сахалина отводилось Большой Медведице. Нанайцы называли это созвездие *Фауля*, орочи и ороки — *Пэула* (Вешала для рыбы). Известно, что орочский древний род Пэулянка связан своим происхождением с вешалами для рыбы *пэуля* [11, с. 74]. Амурские нивхи созвездие Большой Медведицы именовали *Нинагрне* (Крысиный амбар), тумнинские орочи — *Пэулэ тапу* (*тапу* — лестница к амбару, состоящая из трех звезд, по лестнице в амбар влезает мышь). Ульчи называли это созвездие *Пэулэн*, негидальцы — *Хоулен, Хувлен*, удэгейцы — *Зали бангняни* (Небесный амбар). Негидальцы, ульчи, якуты и эвенки также видели в этом созвездии лабаз, помост на сваях для хранения продуктов в тайге [1, с. 86]. Согласно эвенкийской легенде, «в древности один охотник-тунгус гонялся за лосем, обессилел и умер от голода вместе со своей собакой, будучи не в состоянии добраться до своего лабаза, где он сам весной сложил запас продовольствия. Вот душа этого тунгуса-охотника (по-видимому, вместе с собакой. — *Авт.*) и превратилась в звезды и стоит на небе» [10, с. 237]. Ульчи заметили: если три звезды ковша находятся на востоке — скоро рассвет, у многих народов Сибири это созвездие также служило часами в ночное время.

Для тунгусо-маньчжуров характерна архаичность названий созвездий, представленных числами (три звезды, семь звезд, девять звезд). Магическая функция семерки нашла отражение в космографии монголов, корейцев, китайцев. В Китае и Корее в честь созвездия Большой Медведицы возводили храмы. Изображение небесных светил, которым придавалось магическое значение, широко представлено на фресках гробниц.

Представления о Млечном Пути нашли объяснения в реальной жизни и в мифологии. Удэгейцы Млечный Путь *Ба Зуни, Буа Гидыни* (Скопление звезд в виде небесной дороги) связывали с мифологическим сюжетом о соревновании в беге на лыжах старика Канда Мафа и молодого охотника Егдига. Согласно орочской мифологии, небесный охотник Мани гнался на лыжах за лосихой и, отталкиваясь, приподнял одну ногу — на небе остался след одной его лыжи. Охотники считали, что если Млечный Путь отклоняется к востоку, то придет много рыбы, а западное отклонение грозило голодом. У нанайцев Млечный Путь — *Хусэгдиэн покторани* (След лыж Хусэгдиэна), то же можно обнаружить у орочей и ульчей. Нанайского

Хусэгдиэна соотносят с фольклорными персонажами других дальневосточных народов: Ихэгдин эвенков, Исэгдэ эвенов, Исэгдин негидальцев, Хусэгды ульчей. В обиходной речи тунгусо–маньчжуры употребляли эту форму в значении *хусэни* — «мужчина». У ороков Млечный Путь назван в честь охотника Узига, который идет за лосем на лыжах. Если Млечный Путь отклоняется к востоку, то придет много рыбы, отклонение его на запад предвещало малый ход рыбы и голод. У эвенков Млечный Путь — это лыжня богатыря и охотника Маин.

Представления о Млечном Пути у нивхов и тунгусо–маньчжуров различались. Сахалинские нивхи это скопление звезд называли *Таирнанд Зиф* (След, или дорога, морского божества Таирнанд). Они считали, что если в летние вечера его «дорога» проходила вдоль направления реки Тыми, то это предсказывало большой ход и удачный лов рыбы, если же его «дорога» лежала поперек течения реки, это говорило о малом ходе рыбы и улове.

У нанайцев сохранилось представление о Млечном Пути *Ба Мамгуни* как Небесной реке. Огромный массив названий Млечного Пути с семантикой «река» охватывал все побережье Восточной Азии. Названия Млечного Пути с идеей «река» отмечены у чукчей, коряков и айнов и аборигенов Австралии. Корейцы именовали его «серебряный поток», японцы, китайцы и вьетнамцы — «небесная река» [13, с. 35]. Маньчжуры также видели в нем две разветвленные и сливающиеся реки — Сахали и Сунгари.

Хорошо известно народам Нижнего Амура и Сахалина яркое звездное скопление небосклона Плеяды. Удэгейцы его называли *Нада* (Семь), негидальцы — *Надан насикан* (Семеро), среди нанайских названий Плеяд встречаются *Надан хосикта* (Семь звезд). Для древних народов Плеяды служили звездными часами. Удэгейцы заметили, что ближе к утру в нем насчитывается пять звезд.

По положению этого созвездия на ночном небе определяли ход рыбы. В августе, когда этот астеризм проходил возле звезды *Бохто* (Белка–летяга), удэгейцы отметили самый большой заход кеты в реки. Подобная примета была знакома также рыболовам–нивхам. В названии Плеяд отразились точные наблюдения: орочи называли их *Нада санга*, ороки — *Нада сани* (Семь дыр), с таким пониманием перекликается и старое тюркское имя Плеяд, представленное уже в XI в. у Махмуда Кашгарского [8, с. 47].

Созвездие Плеяды ассоциировалось с образами женщин и мужчин, с ним связаны легенды, мифы и сказки. У орочей сохранилось два названия: *Агди амасе* (Родственники грома) и *Нада хатала* (Семь сестер). Считают, что когда–то в этом созвездии было шесть звезд–сестер. Легенда говорит, что на земле жила младшая сестра Паянгу. Она вышла замуж, но муж не кормил ее, тогда она улетела на небо, и ее теперь видят возле Плеяд. Среди удэгейских названий Плеяд встречаются *Нада азига* — Семь сестер, *Нада аманда* (Семь проституток), *Нада бионта* (Семеро плешивых парней), *Нада кэжевсэ* (Семеро рабов). В мифологии Плеяды были представлены как семь близнецов. Это созвездие нанайцы называли *Надан пата-лан* (Семь девушек). Ю.А.Сем записал миф, в котором говорилось, что однажды семь небесных девушек гуляли в «верхнем мире». Они увидели невесту, которая направлялась в дом будущего мужа. Семь девушек так торопились посмотреть на нее, что не заметили, как пересекли путь невесты. А это считалось нарушением нанайских обычаев и обрядов, так как, пересекая путь, они пересекали ей путь жизни. За такой поступок они были превращены в звезды, которые образовали созвездие *Надан пата-лан*. В звезду превратилась, по мифологии нанайцев, и невеста. В космосе у нанайцев — это *Гиамата хосиктани*, в буквальном переводе с нанайского языка — Звезда невесты. Название Плеяд со значением «семь звезд»,

«семь сестер», «семь женщин» распространены у германцев, финно-угров, хакасов, эвенков, тувинцев и алтайцев [3, с. 286].

Плеяды в летнее время исчезали с ночного неба, поэтому нанайцы и удэгейцы считали, что они спускаются на землю, отчего на земле становится тепло, зимой это созвездие удалялось на небо — и на земле наступал холод. Плеяды ассоциировались также со злом: шесть дев-духов наводили на людей болезни и мор.

Нами установлено, что традиционный календарь тунгусо-маньчжуров и нивхов выверялся веками и точно был согласован с наблюдаемыми небесными явлениями и жизненными ситуациями. Например, требовалось заранее точно знать моменты наступления медвежьего праздника. Считалось, что дух медведя может разгневаться за то, что его несвоевременно чествуют, и послать на людей голод, болезни и прочие беды. По воззрению ульчей, сам дух медведя показывает им время наступления праздника особым таинственным знаком на небе. Поэтому они, как и орочи, приурочили к этому событию важнейший праздник. Не случайно и представление о черепе (голове медведя) как главном атрибуте праздника: удэгейцы, орочи, негидальцы, ульчи и нанайцы выделяли созвездие из трех звезд, представляя его в виде треугольника. Удэгейцы именовали его *Зай*, *Мафа дынми* (Медвежий череп), орочи — *Цзай* (Череп). Одна из трех звезд в этом созвездии обозначала рот, а две маленькие — глаза. Ульчи в созвездии *Мана хосиктани* видели «глаза медведя». Звезду в созвездии Геркулес нанайцы называли *Зари хосиктани* (Звезда медвежьей головы). Эта звезда появляется в момент зимнего и летнего солнцестояния: восходы отдельных звезд и созвездий возвещали о начале лета или зимы.

Аборигены Нижнего Амура и Сахалина различали четко видимые на небе невооруженным глазом планеты, меняющие свое положение относительно остальных звезд. Они давно отметили передвижение этих светил среди звезд по небесному своду, а также то, что их пути очень запутаны. Они двигаются то справа налево, то слева направо, как бы блуждают по звездному небу. Внимательно наблюдая за движением планет, удэгейские и нанайские шаманы-астрологи полагали, что эти запутанные движения из созвездия в созвездие выражали волю духов. И шаманы тайне хранили древние гороскопы, якобы определяющие судьбу людей.

Наблюдая за движением звездного неба, удэгейцы выделили неподвижные звезды *ваихта* и блуждающие планеты *хутахта*, которые то появлялись, то исчезали. Негидальцы называли звезды *осукта*, планеты — *чолтон*. Подобные наблюдения сохранились у якутов, которые звезды называли *сулус*, а планеты — *чолбон*. Нивхи звезды и планеты называли одинаково — *унигыр*.

Народные наблюдения за планетами и связанные с ними смысловые названия точно отражали их свойства. Юпитер удэгейцы именовали *Хутахта* (Сверкающий), орочи и нанайцы — *Хоракта* (Мерцающий), нивхи — *Пилан унигыр* (Большая звезда). Меркурий удэгейцы называли *Нуса хутахта* (Малое светило), Марс — *Хулалиги хутахта* (Красная планета). У нивхов он именовался *Кек унигыр* (Лисья звезда). Марс у эвенков — *Хуланя осикат* (Красная звезда) [7, с. 126]. Монголы в северном Тибете Венеру называли *Геген хотун* (Светлая звезда) [17, с. 196].

У удэгейцев Венера — *Сагди хутахта* (Большое светило). У нанайцев два разных народных названия Венеры: *Эринку* (Утренняя звезда) и *Эрин токиаку* (Первая вечерняя звезда). В зимнее время эта планета имела для них важное практическое значение: по ее восходу на горизонте определяли время завтрака и ужина. 10 ч утра в сентябре, когда *Эринку* появляется над горизонтом, — самая надежная примета, определяющая начало хода кеты. По представлениям удэгейцев и нанайцев, Венера и Юпитер приносят человеку счастье. Негидальцы Венеру именовали *Чол-*

пон, эвенки — *Чолбон*, эвены — *Чолтун*, тюркские и монгольские народы — *Цолмон*. В этих названиях отразились тунгусские и тюрко-монгольские историко-культурные связи. Вероятно, в древности тюрки и монголы все планеты ночного неба именовали *Цолмон*.

Представления, связанные с Солнцем, у тунгусо-маньчжуров и нивхов очень древние. Нивхи, например, думали, что Земля *Унгхыр миф* стоит неподвижно, а Солнце *Кенг* движется вокруг нее. Удэгейцы наблюдаемое суточное движение Солнца объясняли действительным перемещением его по небу, причем предполагали, что после своего заката Солнце идет под Землей и, восходя, снова движется по небу. Орочи представляли себе обитаемую Землю в виде высокой горы, за которой ночью скрывается Солнце. У них сохранилось словосочетание *сэу туктигини*, связанное с восходом Солнца, поднимающегося по небосводу в гору. Негидальцы считали Солнце живым существом. Названия, говорящие о положении Солнца на небе, вошли в лексику негидальцев: солнечное затмение *сивун будэн* (солнце умерло), восток *сивун яуйдэнин* (сторона выхода солнца), радуга *сивун кохоллоча* (солнце надело рукавицы), запад *сивун тиккидэнин* (сторона падения солнца). У ороков *сунзе* — юг и о-в Сахалин, у нанайцев *сиу токони* — полдень. Термины отражают народные наблюдения и установление причинной зависимости между Солнцем и такими явлениями, как атмосфера, смена дня и ночи, часы суток, разделение на страны света. Вероятно, наиболее древние способы образования названий стран света связаны с восходом и заходом Солнца.

Солнце, по представлению удэгейцев, «умирало» и ежедневно «рождалось». Оно посылало на землю девять лучей *сугала* в образах людей и птиц. Луну *Бе* и Солнце *Сеун* орочи считали живыми существами, не имеющими души (девушками с ослепительно яркими лицами), и в то же время — похожими на Землю небесными телами, на которых живут люди. У удэгейцев и нанайцев Солнце олицетворяло прекрасных девушек-мастериц орнамента. По представлению нанайцев, каждое утро Солнце на кончике первых лучей посылало на землю души рождающимся людям. Эти души представлены в образе птички [5, с. 163]. В таких воззрениях обнаруживается понимание явлений природы, еще не затронутое верованиями.

В то же время народная фантазия наделила Солнце антропоморфными чертами. Нанайцы, удэгейцы, ульчи, эвенки, нивхи, айны, эскимосы, буряты, кеты, ненцы и манси представляли Солнце в образе женщины-матери, оно являлось благодетелем, созидателем людей и животных. Есть все основания предполагать, что образ матери-солнца сформировался у народов Сибири в глубокой древности, в условиях матриархата.

Анимистическое одухотворение Солнца как доброго существа, дающего тепло и свет, вполне понятно, так как оно оказывает на человека, животный и растительный мир благотворное влияние, особенно в условиях довольно холодного климата Приморья, Приамурья и Сахалина. Почитание Солнца известно у большого числа народов, поэтому такое явление можно считать общечеловеческим.

Из глубокой древности идет обожествление Солнца, стилизованное изображение которого так часто можно встретить в народном творчестве тунгусо-маньчжуров. Это и подвески-обереги в виде дисков и крестов, и солярные мотивы на шаманской одежде и бубнах. Эти изображения были наделены магической силой. Необыкновенной силой наделялся солнечный камень *су*, своего рода «камень преткновения», который, по представлению удэгейцев и нанайцев, якобы мог найти только счастливец.

Человеку древности было свойственно уподоблять себе мир (в том числе и Солнце), смотреть на него сквозь призму своего представления об идеальном

мире, который он считал совершенным для своего бытия. В этом плане характерен удэгейский обряд *мэуи* над роженицей будущего шамана, совершаемый родственниками роженицы (старым шаманом). Этот обряд воплотил восход и движение Солнца — подателя жизни и способствовал рождению нового шамана. Обряды, связанные с движением и танцами по ходу Солнца, проводились весной, во время вскрытия рек и прилета птиц на празднике *унди* и были посвящены обновлению природы и рождению Нового года. У негидальцев, ульчей, нивхов и нанайцев обряды «солнечного круга» сохранили более древние черты в родовых праздниках моления Воде, приуроченных к периодам солнечного равноденствия [4, с. 92]. Живительная сила природы связывалась с космической энергией, исходящей от Солнца. Считалось, что Солнце давало жизнь и плодородие Земле, растениям, животным и людям. Шаманские мистерии и народные праздники, совпадающие с солнечной активностью, воссоздавали особую сакральную связь мира природы и человека, утраченную в древности. Тунгусо-маньчжуры и нивхи давно заметили влияние Солнца на все происходящее на Земле явления, особенно на жизнь растений и животных.

Солнце олицетворяло справедливость и трудолюбие, требовало почитания своих идеальных, а значит божественных, добродетелей. У нанайцев нормой было сверять свою жизнь с неукоснительным правилом Солнца. Сохранилось множество этических наставлений: «Раньше Солнца *Сиун* вставай, а то рассердится на тебя небесная женщина, топнет ногой и сделает ленивой, засоней. Кому такая нужна будешь?» [23, с. 13]. Сохранилось множество запретов, их соблюдали, чтобы случайно не обидеть ранимую душу светила. Если в луже резвились солнечные зайчики, нельзя было выплеснуть туда грязную воду или произнести бранное слово. Луч Солнца был самым почитаемым гостем у удэгейцев и нанайцев. Они выпускали его через сквозное отверстие в стене, ориентированное на восток, и просили: «Дай мне удачной охоты, дай счастья».

Солнцу отводилась важная роль в появлении нового месяца. Ороки заметили, что раз в 28 дней (в ночь на 29-й) Луна на западе встречается с Солнцем, «переворачивается» и выходит вновь родившейся. Солнце в представлениях нанайцев — благодатная сила, влияющая на жизнь людей. Во время эпидемий, когда шаманы были бессильны помочь людям, нанайцы обращались к Солнцу. К Солнцу обращались за помощью и шаманы. Л.Я. Штернберг писал: «На рассвете, во время болезни, три дня подряд шаман кланяется Солнцу, дает ему агаки — водку, причем он держит бубен и одет в пояс с погремушками» [25, с. 500]. Нанайские и ульчские шаманы просили Солнце помочь ребенку, чтобы он благополучно рос, при болезни горла рекомендовали «глотать» солнечные лучи. Удэгейцы и ороки считали, что Солнце и Луна созданы специально для освещения пути днем и ночью.

У тунгусо-маньчжурских шаманов самый действенный символ защиты от злых духов — медное зеркало *толи*. Бронзовые зеркала как предметы солярного культа были широко распространены не только у тунгусо-маньчжуров, но и у древних корейцев и японцев [2, с. 106]. Почитание бронзового зеркала как изображение солнечного диска было характерно также для культуры айнов.

В устной традиции народов Нижнего Амура и Сахалина сохранились мифы о трех Солнцах. В негидальской легенде говорится: «Раньше три солнца было, все на земле горело (уголь в горе — откуда?). Уди, первый человек, живший на земле, убил стрелой, пущенной из лука, одно солнце. Другое вышедшее солнце он не успел убить. Тогда он выстрелил в третье солнце и убил его» [9, с. 81]. Согласно легендам удэгейцев, орочей и нанайцев, в старину было три Солнца, которые представлялись в виде трех раскаленных дисков, когда они светили, бы-

ло так жарко, что на земле ничего не могло расти. До настоящего времени солярный знак в форме трех концентрических окружностей сохранился на металлических украшениях. По версии нивхов, сначала на небе были одно Солнце, одна Луна, а на земле — много людей, зверей и рыбы. Потом климат изменился, потому что на небе стало три Солнца и три Луны. Наступила такая жара, что погибло много животных. И лишь после уничтожения лишних светил установилась нормальная жизнь. У народов Сибири сохранился комплекс древних воззрений, связанный с охотой за «небесным лосем». Космический лось служил олицетворением Солнца. Деятельность культурного героя охотника–стрелка из лука была направлена на сохранение жизни на Земле, тесно связана с культом плодородия. Мифы о множественности Солнца и охотнике–стрелке из лука, преобразователе мира, широко распространены в китайской мифологии [26, с. 169, 172].

Некоторые солнечные явления тунгусо–маньчжуры подтверждали точными наблюдениями. Орочи заметили, что перед непогодой в тумане с обеих сторон Солнца иногда появляются два светлых пятна. По их мнению, это души убитых двух Солнц. В этом они видели подтверждение мифа о существовании трех Солнц. Представления о стрельбе в Солнце сохранились в народной этимологии. В тунгусо–маньчжурских языках отмечены одинаковые термины для понятий «стрелять из лука» и «светить солнцу». Например, орочское выражение «*су гапахани*» (солнце взошло) переводится так: «солнце воспрянуло из моря, как стрела лука».

Традиционные знания о Солнце у народов Нижнего Амура и Сахалина, как и всякое представление о предмете и явлении, имели последовательное развитие. Нивхи, удэгейцы, нанайцы и ульчи не нуждались в дроблении суток на часы, минуты и секунды. Однако у них имелись приблизительные подразделения суток. Например, нивхи отмечали пять положений Солнца по отношению к горизонту: *кенг мырч* — Солнце рождается, *кенг тытырах бокирч* — Солнце поднимается, *кенг мувутыч* — Солнце поднялось (полдень), *кенг котреч* — Солнце опускается, *кенг муч* — Солнце умирает. У удэгейцев встречается 11 названий для времени суток. Эти временные категории следующие: 1) *гяванаини* — начало рассвета, точнее, первая световая полоса, когда чуть светает; 2) *зугдала иненгини* — заря наступила, время второй светлой полосы, когда видно жилище; 3) *Су гакпани* — Солнце взошло; 4) *Су мо делуини* — Солнце освещает верхушки деревьев; 5) *Су инени тигангкини* — полдень, середина дня, когда Солнце в зените; 6) *Су сикиеини* — ранний вечер; 7) *Су мо дуленеини* — Солнце скрывается в лесу, закатывается; 8) *Су дуленеини* — Солнце зашло, светлые сумерки; 9) *сикиени сикиегини* — вечер наступает, темные сумерки; 10) *сикиени Хутахта* — время появления Венеры; 11) *догбо дулангкила* — полночь (определяли полночь с сентября до половины января по Большой Медведице, с января до мая — по Венере, в остальное время — по Луне).

Как видно из примеров, 9 времен суток приходились на день от восхода до захода Солнца. Обнаруживается сходство их названий с нанайскими и негидальскими, хотя у нанайцев сутки делили на 17 частей, а у негидальцев — на 14 [14, с. 112]. Такая же система подразделения суток встречается у многих тунгусоязычных, монголоязычных и тюркоязычных народов. Понятно, что счет таких часов, длина которых постоянно изменялась с временами года, был затруднен, его можно было вести лишь приблизительно.

С древнейших времен люди осознавали воздействие Луны на их жизнедеятельность и окружающую природу. Выявление зависимости живой и неживой природы

от процессов, совпадающих с лунными циклами (например, изменение физического и психического состояния человека), привело к накоплению позитивного опыта и мифических представлений о Луне.

Нанайское название *биа* (луна, месяц) связано с изменением вида Луны на протяжении месяца, с лунными фазами. С помощью фаз Луны раньше измеряли время: месяц стал одной двенадцатой частью года. Счет дням, месяцам вели по лунному исчислению, а по положению Луны ориентировались в пути, предсказывали погоду.

Практическая значимость этих наблюдений обусловила и важную мифологическую роль образа. У нанайцев Солнце (*Сиун*) — это женщина, а Луна (*Биа*) — мужчина. В нанайской легенде говорится: «Биа полюбил Сиун, и она полюбила Биа. Когда же Биа хотел догнать Сиун, та стала от него убегать. Небесную женщину Сиун мужчина Биа никак не мог догнать. Но вот наступает новолуние; это означает, что Биа догнал Сиун. Темнота, которая наступает в это время, скрывает половое сношение Биа и Сиун. Это увидел Эндური, хозяин Вселенной, и спустил на мужчину Биа свою небесную собаку. Она укусила Биа, и он побежал на далекие небесные луга лечиться целебными травами. Он ушел, как говорят, так далеко, что лунный свет на земле люди перестали видеть. Биа нашел лекарство, поправился и, вернувшись на свое место, опять побежал за небесной женщиной Сиун» [12, с. 330]. По представлению удэгейцев, Луна *Бя* — мужчина. Он имел трубку, ведро и соль.

Месяц, как и Солнце, занимал одно из ведущих мест в мифологии аборигенов Нижнего Амура и Сахалина. В представлениях орочей, Луна *Беа* расположена от Земли дальше, чем Солнце. По сюжету ороческой мифологии на одной стороне Луны проживала жена хозяина тигров *дусэ мамачани*, на другой — жена хозяина медведей *дунтэ мамачани*. Хозяйки распоряжались душами животных, посылая их людям на Землю. Ущерб Луны объясняли тем, что одна из хозяек постепенно закрывает светило крышкой *беа кумтани*. По представлению нанайцев, Луна — это тусклый медный щит, сродни толи — медному диску, который раньше надевали шаманы на грудь, чтобы обороняться от злых духов во время камлания. Блеск Луны и сияние радуги *биа фойяоктони* нанайцы обозначали тождественными названиями, подчеркивая их холодность. Поэтому Луна у удэгейцев, орочей и нанайцев считалась символом молчания, тишины и смерти, а лунный свет освещал загробный мир *буни*.

Символ Луны — предмет поклонения. К месяцу обращались как к божеству, которое может помочь в трудную минуту. Нанайцы в день своего рождения просили у Луны долгих лет жизни, с этим светилом обычно связывались представления о плодovitости. Нивхи и ороки по Луне считали сроки приближающихся родов, при неудачных или затянувшихся родах нанайские и удэгейские шаманы обращались к Луне.

Тунгусо-маньчжуры и нивхи давно обнаружили, что лунный диск, изменяя свою внешнюю форму, периодически переходит от новолуния к полнолунию. Нанайцы называли изменения формы Луны в течение каждого месяца так: *биа уриэхэни* — луна погнулась, *биа балдина* — луна появилась, *биа таон дилини* — луна, как голова толстолоба стала, *биа чиалогони* — луна выплюнута (полнолуние). У удэгейцев также имелись обозначения для определения фаз Луны. Нивхи, очень внимательно следившие за фазами Луны *Лен*, дали отдельные названия для обозначения полнолуния и новолуния, нарастающей и идущей на ущерб Луны, полумесяца, лунной четверти, а также для различных изменений этих фаз.

У удэгейцев, нанайцев и орочей астрономический лунный год состоял из 360 суток по 30 дней и из 12 месяцев. Отсчет их удэгейцы начинали с момента появления на западной стороне вечернего неба серпа нового месяца и при этом четко выделяли каждый лунный месяц. Подсчет дней (суток) и месяцев при всех этих наблюдениях велся определенно с помощью отметок, сделанных из бересты, дерева или кости, которые назывались *сэ* (промежуток времени). 12 счетных отметок соответствовали месяцам, 30 — дням. Отметки нанизывались подобно ожерелью на тесемку и крепились на рамке. Передвигали отметки слева направо: когда на правой стороне оказывались все 30, передвигали одну из 12-ти, соответствующих месяцам, и счет начинали сначала. Подобный календарь сохранился у нанайцев. Период от одного новолуния до другого они называли, как и Луну (*Бя*). У тунгусо-маньчжуров лунный месяц служил главной единицей измерения времени. Широко бытовала традиция названия дней и месяцев по порядку числительных. Счет месяцев лунного года негидальцы начинали по положению созвездия Большой Медведицы, нанайцы — по появлению на звездном небе созвездия *Зари осиктани* (Голова медведя).

Известно, что люди приступили к времяисчислению с помощью фаз Луны в палеолите [22, с. 13]. Лунные календари давно были известны народам Нижнего Амура и Сахалина. Охотники и рыболовы знали продолжительность синодического лунного месяца со всеми его фазами от новолуния до новолуния. Традиционный календарь тунгусо-маньчжуров и нивхов был основан на точном знании лунных фаз, многие из которых носили определенное название. Удэгейцы и нанайцы умели определять количество дней в первой фазе луны по отражению на медном зеркале *толи*. Обычно опытный глаз наблюдателя по форме диска Луны точно устанавливал суточный «возраст».

У орочей пятна на полной Луне — пастбища сохатого, у нивхов, нанайцев и удэгейцев — это образ женщины, которая на коромысле несет воду. Мифологические сюжеты о месяце достаточно многочисленны и разнообразны. У нанайцев предание повествует об уходе к месяцу девушки с ведрами. Мать послала дочь с ведрами на Амур за водой. Та ушла и заслушалась там пением птичек. Долго мать ждала дочь, наконец, не вытерпела и прокляла ее. «Чтоб тебя *Бя* уволок!» — сказала она гневно. Месяц схватил девушку так быстро, что та не успела даже выпустить из своих рук ведро. Он поднялся с нею на небо и до сих пор не расстается с девушкой. Этот сюжет перекликается с бытовавшим запретом говорить о месяце плохо, смеяться над ним. В удэгейском мифе месяц забирает к себе женщину-сироту, обиженную мужем: «Когда-то жили Кунти и Аманда, муж и жена. Кунти ходил на охоту. Он, добыв зверя, съедал его на месте и домой возвращался ни с чем. Аманда голодала. Месяц пожалел женщину и позвал ее к себе. Однажды в полночь Аманда улетела на Луну, взяв с собой собаку, ковш и ведро. Кунти, вернувшись с охоты, обнаружил, что жены нет дома. Он вышел на улицу, поднял голову вверх и увидел на Луне свою жену, собаку, ведро и ковш. Кунти стал звать жену домой, но она не вернулась. Кунти обратился в дикого голубя. С тех пор его голос слышен каждый вечер в тайге. Он зовет свою жену. Кунти был последний мужчина, который превратился в птицу» [15, с. 125]. Этот сюжет напоминает о бытовавшей у удэгейцев этике обращения с женщиной. А нанайцы с помощью мифа так объяснили происхождение осадков: «Бывает, когда при Луне дождик идет или снег, — это та лунная девочка Ангачакан плачет» [24, с. 124].

У народов Нижнего Амура и Сахалина сложились свои представления о затмении Солнца и Луны. Нанайцы считали, что во время продолжительного затмения Солнца *сиун бунини* умирает сильный шаман. По представлению удэгейцев,

затмение *су будени* — плохая примета, так как оно предвещало голодный год и другие несчастья. На Солнце и Луне нивхи «поселили» злых собак, которые набрасывались на светила в момент затмения: лунного и солнечного затмения нивхи, как и тунгусо–маньчжуры, очень боялись. Удэгейцы и нанайцы также считали, что когда Солнце и Луна теряли свой блеск, то их пожирали «небесные собаки». На Солнце, по представлению удэгейцев, жила собака *иней*, которую люди были обязаны постоянно кормить. Если они нарушали обычай, собака злилась и кусала Солнце, и наступало затмение. Лунное затмение нанайцы объясняли так: «Опять Эндური свою собаку выпустил. Злая собака укусила *бя* — луну, и отправился *бя* на далекие небесные луга травами лечиться. Далеко ушел — вот и не видно его» [12, с. 330]. При наступлении затмения били в металлические предметы, чтобы прогнать животных. И это действовало — Солнце оживало, как это всегда было после солнечного затмения.

Подобные воззрения сохранились у многих народов. Айны полагали, что светило поглощено злым духом, имеющим обличье черной лисицы. Чтобы помочь Солнцу и отпугнуть злого духа, они поднимали невообразимый шум или же совершали магические обряды [20, с. 64]. В Древнем Китае при наступлении солнечного затмения ударяли в барабан и деревянные тарелки, чтобы прогнать чудовище, хотевшее проглотить светило. Индейцы Америки считали, что во время затмения за Луной гонятся по небу огромные собаки, которые хватали и терзали это светило, пока ее свет не становился багровым и тусклым от крови, струящейся из ран. Индейцы поднимали оглушительный шум, стреляли, играли на музыкальных инструментах и били собак [21, с. 157].

У тунгусо–маньчжуров и нивхов была очень тщательно разработана система наблюдений за Луной и вычислений различных отрезков времени. Они знали лунный, синодический и сидерический месяцы. Лунными месяцами вели счет времени, ряд месяцев у них начинался с зимнего солнцестояния.

Лунные фазы легли в основу построения календаря. У удэгейцев и нанайцев сохранилась традиция исчисления сроков беременности и предсказания дня родов на основе лунного календаря. У орочей в форме примет зафиксированы рекомендации, согласованные с фазами Луны: сбор лекарственных растений, рубка леса, предсказание погодных изменений. Удэгейцы накопили немало объективных данных, свидетельствующих о наличии временной синхронной связи между фазами Луны и изменениями в жизни животных и человека. Лунные циклы действительно воспринимались как жизненно важные моменты. Опытным путем доказано, что лунный поляризованный свет активно действует на ферменты и гормоны, поэтому он может влиять на жизнедеятельность организмов, и становятся понятными многие существующие зависимости от фаз Луны. По мнению удэгейцев, в полнолуние начинается гон изюбров и лосей, увеличивается желчь у медведя и кабана. У ороков и нивхов бытовали представления об особом значении полнолуния для здоровья человека. Они считали, что в этот период сильно проявляются эмоции. По мнению нивхов, в полнолуние следовало проводить медвежий праздник. Айны верили, что только в течение периода между новолунием и полнолунием можно исполнять все важные церемонии. У многих народов мира праздники и посты сегодня приурочены к фазам Луны: Пасха, Вознесение, Великий пост и др.

Опыт наблюдений за астральными телами тунгусо–маньчжуров и нивхов говорит о наличии закономерной ритмической связи земных явлений и космических факторов. Охотники и рыболовы умели определять время по Солнцу, Луне, расположению созвездий и планет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникин А.Е. К типологии некоторых якутских космонимов // Язык — мир — культура народов Сибири. Якутск, 1994. С. 86—93.
2. Джарылгасинова Р.Ш. Этногенез и этническая история корейцев: По данным эпиграфики («стела квангэтхо-вана»). М.: Наука, 1979. 182 с.
3. Дьяконова В.П. Религиозные представления алтайцев и тувинцев о природе и человеке // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX—начало XX в.). Л.: Наука, 1976. С. 268—291.
4. Золотарев А.М. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск: Дальгиз, 1939. 208 с.
5. Иванов С.В. Представления нанайцев о человеке и его жизненном цикле // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX—начало XX в.). Л.: Наука, 1976. С. 161—188.
6. Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 497 с.
7. История и культура эвенов. Ист.-этногр. очерки. СПб.: Наука, 1997. 180 с.
8. Карпенко Ю.А. Названия звездного неба. М.: Наука, 1981. 184 с.
9. Крейнович Е.А. Очерк космогонических представлений гиляков острова Сахалина // Этнография. 1929. № 1. С. 78—102.
10. Ксенофонов Г.В. Шаманизм. Избр. труды. (Публикации 1928—1929 гг.). Якутск, 1992. 318 с.
11. Ларькин В.Г. Орочи: Историко-этнографический очерк с середины XIX в. до наших дней. М.: Наука, 1964. 175 с.
12. Лопатин И.А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские: Опыт этнографического исследования // Записки Общества изучения Амурского края. Владивосток, 1922. Т. 17. 370 с.
13. Никонов В.А. География космонимов и этнические связи // Проблемы этнографии Востока. М.: Московский филиал Географического общества СССР, 1973. С. 33—37.
14. Петрова Т.И. Времяисчисление у тунгусо-маньчжурских народностей // Памяти В.Г. Богораз (1865—1936): Сб. науч. статей. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 79—123.
15. Подмаскин В.В. Духовная культура удэгейцев XIX—XX вв.: Историко-этнографические очерки. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1991. 160 с.
16. Подмаскин В.В. Космонимия народов Нижнего Амура и Сахалина // Российский этнограф. 1993. № 15. С. 219—226.
17. Потанин Г.Н. Восточные мотивы в средневековом Европейском эпосе. М.: Изд-во геогр. отд. Императорского о-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, 1899. 894 с.
18. Санги В.М. Человек Ыхмифа. М., 1986. 155 с.
19. Сем Ю.А. Космогонические представления нанайцев: «Верхний мир» // Религиоведческие исследования в этнографических музеях. Л., 1990. С. 114—128.
20. Спевиковский А.Б. Духи, оборотни, демоны и божества айнов: Религиозные воззрения в традиционном айновском обществе. М.: Наука, 1988. 205 с.
21. Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М.: Политиздат, 1989. 573 с.
22. Фролов Б.А. Числа в графике палеолита. Новосибирск: Наука, 1974. 240 с.
23. Чадаева А.Я. Национальная игрушка: Очерки о древних предках детской игрушки народностей Чукотки и Приамурья. Хабаровск: Кн. изд-во, 1989. 96 с.
24. Чадаева А.Я. Секрет долголетия: Очерк о нанайских сказках // Дальний Восток. 1977. № 4. С. 121—129.
25. Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны: Статьи и материалы. Хабаровск: Дальгиз, 1933. 740 с.
26. Яншина Э.М. Формирование и развитие древнекитайской мифологии. М.: Наука, 1984. 248 с.